

Костина Ирина Борисовна

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕФЛЕКСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассмотрена взаимообусловленность интенциональных и рефлексивных аспектов языковой практики в их соотношении с вербальным и чувственно-наглядным видами знания. На основании исследования символической функции сознания показано, что смыслы являются результатами рефлексивной деятельности личности и существуют в знаково-символической форме рационального знания, а ценности имеют характер очевидности, обусловленный количеством индивидуальных усилий, вкладываемых субъектом в практическое действие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 111-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 364.1

Философские науки

В статье рассмотрена взаимообусловленность интенциональных и рефлексивных аспектов языковой практики в их соотношении с вербальным и чувственно-наглядными видами знания. На основании исследования символической функции сознания показано, что смыслы являются результатами рефлексивной деятельности личности и существуют в знаково-символической форме рационального знания, а ценности имеют характер очевидности, обусловленный количеством индивидуальных усилий, вкладываемых субъектом в практическое действие.

Ключевые слова и фразы: языковая практика; практическое знание; смысл; ценность; рефлексивная деятельность; очевидность; интенциональность; временное единство действия.

Костина Ирина Борисовна, к. филос. н., доцент
Воронежский государственный педагогический университет
kib999@inbox.ru

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕФЛЕКСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПРАКТИКИ

Понятие языковой практики стало предметом научного исследования во многом благодаря концепции , языковых игр Л. Витгенштейна, который установил, что значение языкового выражения определяется способом его употребления в языке [7]. В рамках сообщества способ употребления языка поддерживает общее для всех участников коммуникации представление о мире и обозначается понятием языковой практики [3]. Как отмечает Г. Б. Гутнер, эпистемологический смысл языковых практик может быть выявлен с помощью двух основных стратегий, первая из которых связана с логико-семантическими разработками проблемы значения, вторая – с прагматикой языка, акцентирующей внимание на различных целевых установках участников коммуникации [Там же, с. 263]. Однако существует еще один подход к анализу языковых практик, представленный концепцией дискурса-этики Ю. Хабермаса [14], согласно которому . коммуникация относительно ценностных ориентаций, целей, норм и фактов <...> образует один из важных ресурсов общественной интеграции [11, с. 94]. Данный подход позволяет рассматривать языковую практику в качестве аспекта практического разума, предметной областью изучения которого становится практическое знание и особенности его функционирования в коммуникативном процессе.

Один из ведущих специалистов в области изучения практического знания С. П. Щавелёв отмечает, что в современных исследованиях данный вид знания довольно часто идентифицируется с обыденным сознанием [13, с. 166], что закономерно ведет к редукции практического знания до уровня стереотипных моделей поведения. При этом в отличие от обыденного сознания, существующего преимущественно в качестве стихийного процесса с произвольным запоминанием, когнитивная структура практического знания предполагает, во-первых, ориентацию на конечный результат деятельности, во-вторых, – полноценное знание объекта, необходимое для обеспечения эффективности труда. В этом отношении практическое знание явно противостоит повседневному опыту, значительная часть которого . приобретает незаметно, так сказать сама собой, просто потому, что человек живет, <...> не отдавая себе отчета в том, что именно запечатлелось в его сознании [10, с. 92]. Практическое знание в отличие от обыденного имеет целенаправленный характер, что позволяет считать его результатом рефлексивной деятельности субъекта, предполагающей осмысленное отношение к труду.

Проблема понимания смысла социальной деятельности была детально исследована А. С. Кравцем [8], выступившим с критикой трактовки смысла в терминах теории отражения. По его мнению, смысл не является имманентным свойством переживаний и иных аффективных состояний субъекта. Смысл возникает лишь в сознательном отношении человека к миру, имеет форму результата рефлексивной деятельности и предполагает наличие языка, посредством которого осуществляется объективация смысла. В теории отражения, напротив, коммуникативные факторы формирования смысла отходят на второй план, уступая место психологической трактовке данного феномена, связывающей наличие смысла с ментальными состояниями субъекта.

А. С. Кравец обращает внимание на то, что в психологических теориях смысл нередко понимается как неосознаваемая значимость чего-либо [Там же, с. 26]. В этом случае понятие смысла подменяется понятием ценности, которая может быть осознана индивидом и преобразована в ценностный смысл, но может остаться и неотрафлексивированной, продолжающей свое существование в качестве устойчивого индивидуального предпочтения. По мнению А. С. Кравца, подобная экстраполяция термина , смыслл на взаимоисключающие интерпретации ведет лишь к путанице значений. . Смысл всегда “говорит” об объекте, <...> выступает в качестве мысленного заместителя (репрезентанта) в сознании положения дел в мире [Там же, с. 18]. Соответственно, , смысл есть любое осмысленное положение дел в мире [Там же, с. 12].

Развиваемая А. С. Кравцем аналитическая трактовка смысла восходит к идеям Г. Фреге, согласно которым языковые знаки не только указывают на предметы, но одновременно включают в себя и , способ данности обозначаемых предметов индивидуальному сознанию. С точки зрения Фреге, если значение языкового выражения фиксирует репрезентативный, объективно существующий признак обозначаемого предмета,

то, способ данности предмета сознанию называется смыслом и выражает связь между представленным в сознании предметом и его именем, т.е. искусственно созданной символической формой [1]. Как отмечает И. Т. Касавин, «благодаря Фреге смысл языковых выражений был понят как интерсубъективная абстрактная предметность, которая доступна ясной дефиниции» [5, с. 120].

Настаивая на необходимости логического различения смыслов и ценностей, А. С. Кравец полагает критерием возможной демаркации данных понятий рефлексивную деятельность субъекта [8, с. 11]. Смыслы всегда существуют в знаково-символической форме, сконструированной в результате сознательных усилий конкретного индивида для сообщения с другими людьми. В этой ориентации на «обобщенного другого» символические формы предметов наделяются интенциональным содержанием, которое может быть обнаружено в специфике субъективно выстроенной связи между жесткими десигнаторами. Характер данной связи фиксирует степень устремленности познания к своему предмету и находится в зависимости от типа языковой практики, выражающей конкретную динамику смыслов или интенсивность рефлексии над предметом.

В отличие от смыслов ценности статичны, инвариантны и, как правило, представляют собой положительную значимость чего-либо. Однако в процессе рационализации ценности могут принимать логическую форму и становиться ценностными смыслами. В познавательном отношении ценности образуют фундамент смысловых установок, функция которых состоит в фильтрации смыслов. «Смысловые установки канализируют смыслы, являются их неосознаваемыми фильтрами, они заставляют видеть мир, события в определенной избирательной проекции, предопределяют не только смысловое содержание мотива, но и цели, и действия» [Там же, с. 264].

При рассмотрении способов данности смыслов и ценностей индивидуальному сознанию можно выделить два существенных момента, кардинальным образом отличающих представленность данных сущностей в сознании индивида. Во-первых, смыслы имеют статичную и динамичную формы существования, тогда как ценности отличаются стабильностью и слабо подвержены изменениям во времени. Во-вторых, в своей динамической форме смыслы существуют в пределах индивидуального сознания и продуцируются языком, обеспечивающим интенциональное проектирование реальности. Ценности, напротив, обладают устойчивостью и имеют характер очевидности, связанный с непосредственным восприятием некоторого предмета в качестве предпочитаемого. В этом отношении весьма показательна психологическая трактовка ценности, согласно которой «ценность есть мера напряженности. Когда мы говорим, что какая-то идея или чувство очень ценны, мы имеем в виду, что эта идея или чувство представляет существенную силу в плане побуждения и управления поведением» [12, с. 93]. Таким образом, в отношении между смыслами и ценностями обнаруживается третий – опосредующий – элемент, связанный с личностной природой смыслообразования и ее проявлениями в языковой практике.

Если смысл обладает ценностным содержанием, то очевидный характер ценностного восприятия становится особенно наглядным при рассмотрении символической функции сознания, введенной Э. Кассирером. Ее смысл состоит «не в сравнении представлений и их объединении в виды и роды, а в отливке впечатлений в представления» [6, с. 219]. Полемизуя с аналитической философией, Э. Кассирер отмечал, что при решении проблемы формирования общего представления «возникает вопрос, даны ли нам “признаки”, по которым мы делим предметы на классы, до формирования языка, или же они появляются в результате формирования языка» [Там же, с. 218]. С точки зрения Кассирера, слова или имена вещей есть нечто большее, чем знаки для обозначения объективных предметов. Слова не только обозначают предметы и указывают на них, они объективируют содержание мышления, в котором представлен смысл действия с тем или иным предметом. «Языковые понятия повсеместно находятся на границе активности и рефлексии, действия и созерцания. Здесь нет простой классификации и упорядочивания представлений в соответствии с определенными предметными признаками, напротив, здесь также постоянно выражается, именно в самом этом освоении предметов, деятельный интерес к миру и его формированию» [Там же, с. 224].

Деятельный интерес к миру, о котором говорит Э. Кассирер, может быть определен как познавательное отношение субъекта практики к окружающей действительности, смысл которого состоит в свободном переключении внимания с одного предмета на другой. Основное значение в реализации функции индивидуального предпочтения имеет наглядно-образный характер практического знания, представленный чувственно осязаемым, предметным смыслом индивидуальных навыков и умений. Очевидный для субъекта характер вложенных в практическое действие индивидуальных усилий является тем ценностным основанием, на котором осуществляется объективация чувственно-предметного опыта в символические формы слов.

Как показал П. Я. Гальперин, в человеческой психике предметные действия представлены некоторым динамическим паттерном, контроль которого со стороны сознания аналогичен в психологическом отношении контролю над проявлением того или иного чувства [2]. Когда сознание контролирует рутинный процесс деятельности, критерием такого контроля становится некоторое чувство «правильности» совершаемых операций, сохраняемое индивидуальной памятью в качестве «формулы» необходимого для практической деятельности количества индивидуальных усилий.

По мнению Э. Кассирера, интенциональный характер практического знания проявляется в специфике символической функции сознания, раскрывающей творческую способность человека к смыслообразованию. Эта функция реализуется за счет пропозициональной природы языка и проявляется в универсальности символов, не ограниченных каким-либо чувственным содержанием и представляющих собой лишь формы выражения человеческого опыта. Отмечая свободный характер человеческого мышления, Кассирер подчеркивает значимость человеческой речи, создающей возможность интерсубъективного восприятия реальности. По его убеждению, «естественная, в определенном смысле “абсолютная” система координат для любого отображения движения совершенно очевидно задается в языке местоположением говорящего и того, к кому он обращается» [6, с. 144]. В этой соотнесенности Я и Ты происходит символизация движения и цели.

Согласно Кассиреру, языковая деятельность в сообществе характеризуется тем, что человек не просто воспринимает сигналы внешнего мира, преобразуя их в символические формы слов, он обладает способностью управлять этими формами [9] и проектировать на их основе собственное видение ситуации. С этой точки зрения, слова языка становятся символическими формами впечатлений, возникающих в условиях интерсубъективной ситуации и выражающих переживание субъектом уровня ее напряженности. Выступая результатом символизации впечатлений, слова языка фиксируют взаимообусловленность субъективной и объективной реальности и служат не только знаками для обозначения материальных предметов, но и пунктами ценностно-нормативной дифференциации субъективных состояний.

Кассирер отмечает, что, почти во всех языках, где имеется разделение имен на классы, ясно выражено противопоставление класса лиц и класса вещей [6, с. 179]. С помощью специальных грамматических средств язык выделяет человека как самостоятельную действующую личность и человека как вестника или представителя другого лица. Подобные различия, относящиеся к сфере чистой субъективности, по мнению Кассирера, обусловлены четкими ценностными градациями внутри понятия личности, степень проявления которой в общности зависит от функции, которую она выполняет и от самостоятельной или несамостоятельной направленности воли [Там же, с. 180].

Раскрывая особенности интенционального процесса, Кассирер использует понятие временного единства действия, которое выступает важнейшей характеристикой символической функции сознания и обозначает способность сознания «схватывать» действие целиком от начала его совершения до планируемого результата. Созерцание временного единства действия исходит, с одной стороны, из субъекта действия и, с другой стороны, – из цели, к которой оно направлено. Оба момента лежат в совершенно разных плоскостях, однако синтетическая сила понятия времени как раз в том и находит подтверждение, что оно превращает противоположность во взаимосвязанность. Процесс действия уже не может распаться на отдельные фазы, поскольку за ним с самого начала находится единая энергия действующего субъекта, а перед ним – единая цель действия» [Там же, с. 154].

Кассирер показывает, что рационально-логическая форма знания характерна лишь для развитых языков с глубоко дифференцированным и концептуализированным представлением о времени. Именно во времени формируется смысловая диспозиция и осуществляется рефлексивная проработка замысла. Поэтому в развитых языках временное единство действия выступает необходимым условием возникновения особой смысловой диспозиции, в рамках которой индивидуальное сознание осуществляет вербализацию замысла. Для более ранних пластов мышления и речи характерно отчужденное понимание времени в качестве общего временного потока, который воспринимается сознанием фрагментарно, в виде отдельных моментов практического действия. Доминирующий в примитивных языках чувственно-наглядный образ времени не учитывает принципиального отличия между прошлым и будущим, зато хорошо противопоставляет, сейчас и, не сейчас. При этом спектр смыслов, сейчас определяется конкретными вариациями усвоенного ранее действия, значимость которого устанавливается ассоциативным мышлением с точки зрения количества вложенных в действие индивидуальных усилий. Осознавая необратимый характер временного потока, индивидуальное сознание стремится сохранить и символизировать собственный практический опыт, используя для достижения этой цели языковую практику представляемого им сообщества.

Согласно Кассиреру, элементы времени как таковые существуют лишь благодаря тому, что сознание проходит, «пробегают» их и при этом различает их так, что именно этот акт прохождения, этот «discursus» является самой характерной чертой времени [Там же, с. 148]. Таким образом, временное единство действия принимает форму дискурса, в котором языковая практика объединяет участников коммуникации общей ситуацией взаимодействия, а ее интенциональные и рефлексивные особенности образуют динамичную структуру общего представления о мире.

Подводя итог вышесказанному, необходимо заметить, что сформулированное Э. Кассирером понятие временного единства действия позволяет понять взаимообусловленность субъективной и объективной реальности в контексте взаимосвязи личностных смыслов с общим представлением о мире. Когда участники коммуникации осуществляют интенциональное восприятие времени, их речевые действия детерминируются смысловыми установками, ориентированными на очевидный характер практического знания. При рефлексивном восприятии времени взаимообусловленность субъективной и объективной реальности определяется смысловой диспозицией, придающей языковой практике рациональную форму дискурса.

Список литературы

1. **Бирюков Б. В.** Теория смысла Готлоба Фреге // Применение логики в науке и технике. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 502-555.
2. **Гальперин П. Я.** К вопросу о внутренней речи // Доклады АПН РСФСР. 1961. № 4. С. 134-138.
3. **Гутнер Г. Б.** Эпистемология и анализ языковых практик // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 263-278.
4. **Касавин И. Т.** Дискурс // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 77-93.
5. **Касавин И. Т.** Смысл // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 116-127.
6. **Кассирер Э.** Философия символических форм: в 3-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. Язык. 272 с.
7. **Козлова М. С.** Идея, языковых игр // Философские идеи Людвиг Витгенштейна. М.: ИФРАН, 1996. С. 5-24.
8. **Кравец А. С.** Понимание смысла социальной деятельности: монография. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2008. 302 с.

9. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
10. Ойзерман Т. И. Диалектический материализм и история философии. М., 1979. 312 с.
11. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: ИФ РАН; АО «КАМІІ», 1995. 245 с.
12. Холл К. С., Линдсей Г. Теории личности / пер. с англ. И. Б. Гриншпун. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 592 с.
13. Щавелёв С. П. Практическое знание // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 160-178.
14. Habermas J. Diskursethik – Notizen zu einem Begründungsprogramm // Habermas J. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Frankfurt a. M., 1983. S. 53-125.

INTENTIONAL AND REFLEXIVE PECULIARITIES OF LANGUAGE PRACTICE

Kostina Irina Borisovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Voronezh State Pedagogical University
kib999@inbox.ru

In the article the interconditionality of the intentional and reflexive aspects of language practice in their correlation with the verbal and sensory-visual types of knowledge is considered. On the basis of the investigation of the symbolic function of consciousness the author shows that meanings are the results of the reflexive activity of the individual and they exist in the sign-symbolic form of rational knowledge, and values have the character of evidence conditioned by the number of individual efforts invested by the subject into practical action.

Key words and phrases: language practice; practical knowledge; meaning; value; reflexive activity; obviousness; intentionality; temporal unity of action.

УДК 316.3/4

Социологические науки

Статья посвящена исследованию донского казачества как социальной системы. В качестве методической базы выбрана теория структуризации Э. Гидденса. Изучено изменение системы социальных практик донского казачества в историческом периоде XVI-XX веков. Показано нелинейное изменение системообразующей социальной практики казачества – военной специализации. Рассмотрено влияние этого фактора на процесс системной интеграции казачества и российского государства, а также на проблемы возрождения современного казачества. В работе с точки зрения теории структуризации обсуждаются категории «этничности», «сословности», внутреннего социального расслоения и социальных ресурсов казачества.

Ключевые слова и фразы: теория структуризации; социальная система; ресурсы социальной системы; социальные практики; Донское казачество; социальная структура казачества; социально-исторический анализ.

Кудряков Илья Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет
kudryakov@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ СТРУКТУРАЦИИ Э. ГИДДЕНСА (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА)

В отечественной социологической литературе последнего времени довольно часто можно встретить имя кембриджского профессора Энтони Гидденса. Он бывал в нашей стране, выступал на семинарах, публиковался в российских изданиях. Его теория структуризации весьма популярна в современной отечественной социологии, и посвященные ей работы расположены в широком спектре – от студенческих рефератов до докторских диссертаций. Вместе с тем, практически не встречается публикаций, где методический аппарат теории структуриации был бы положен в основу прикладных социологических исследований. Разумеется, красивая теория всегда интересна, хотя бы с эстетической точки зрения, но её научная ценность всегда будет воплощена в простом афоризме: «Нет ничего практичнее, чем хорошая теория».

В связи с этим применение некоторых положений теории структуриации к конкретному социологическому объекту – современному донскому казачеству, – выполненное в настоящей работе, актуально не только как исследование процесса «возрождения» казачества, что важно, например, для анализа и прогнозирования региональной социально-политической ситуации, но и как возможность практической реализации теории.

Постановка задачи в свете методических особенностей теории структуриации

Одним из главных достоинств теории структуриации является возможность рассматривать исследуемый социологический объект в развитии, в динамике. Для этого любой социологический анализ, по Гидденсу, должен выстраиваться вокруг центрального стержня – развития *социальных практик*. Этот подход лежит в основе фундаментальных понятий – социальной системы и социальной структуры. Система определяется Гидденсом как «выстраивание по определенному образцу через пространство и время социальных отношений, понимаемых